
**ОБОСТРЕНИЕ КАЛМЫЦКО-КРЫМСКИХ ПРИГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В 1726 ГОДУ*¹**

Цюрюмов Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор

Калмыцкий государственный университет
358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

В статье рассматривается история калмыцко-крымских отношений во второй половине 20-х гг. XVIII в. Исследована роль калмыков и ногайцев в истории взаимоотношений Российского государства и Крымского ханства. Показано отношение калмыцкой элиты к событиям, связанным с судьбой ногайцев. Рассмотрено обострение калмыцко-крымских отношений в 1726 г. по ногайскому вопросу. В этом году калмыки организовали один из самых крупных походов на владения крымского хана в Прикубанье. Поход завершился передачей власти ногайскому Бахты-Гирею.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Крымское ханство, Калмыцкое ханство, кочевники, военная история, Астраханская губерния

THE AGGRAVATION OF KALMYK AND CRIMEAN RELATIONS IN 1726

Tsyuryumov Aleksandr V., D.Sc. (History), Professor

Kalmyk State University
11 Pushkin st., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russian Federation
E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

The article considers the history of the Kalmyk-Crimean relations in the second half of twenties of the 18th century. The author explored the role of Kalmyks and Nogais in the history of relationships between the Russian state and the Crimean khanate. It covers the position of the Kalmyk elite to the events associated with the Nogay's destiny. This article explains the aggravation of Kalmyk and Crimean relations regarding Nogay matter in 1726 year. Kalmyks organized one of the biggest campaigns to the territories of a crimean khan in the Kuban region. The campaign finished with the delegation of power to a nogai Bakhty-Girey.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, Crimean Khanate, Kalmyk Khanate, nomads, war history, Astrakhan province

В отечественной историографии несомненный интерес вызывает изучение места и роли Калмыцкого ханства в истории взаимоотношений России и Крымского ханства. Признание этого факта позволяет раскрыть новые аспекты в истории внешней политики Российской империи, создать более полную историческую панораму развития системы международных отношений на юго-востоке Европы.

В конце 20-х гг. XVIII в. произошло очередное обострение отношений Калмыцкого ханства и Крыма. В центре внимания оказалась судьба ногайцев, долгое время входивших в состав Калмыцкого ханства и откочевавших с Волги во время убоицы 1724 г.

Инициатором возвращения ногайцев в Калмыкию стал ногайский Бахты-Гирей, имевший большой авторитет среди калмыцких владельцев-нойонов. Он представлял в то время идеал воина-кочевника. Даже лишенный власти и титулов, изгнанный из своей страны, Бахты-Гирей продолжал оставаться значимой фигурой на политической сцене, был одной из самых незаурядных личностей того времени. В калмыцких улусах складывались легенды о кубанце, считали, что он неуязвим,

¹ *Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

потому что стрелы, направленные на него, он мог отбивать на лету плетью. Сами калмыки свидетельствовали, что Бахты-Гирей уважает Дондук-Омбо, Дондук-Даши, считает за честь быть его названным братом. Дондук-Даши сообщил Беклемишеву, что Бахты-Гирей намерен идти войной на Кубань, при поддержке калмыков завоевать кубанцев, затем с кубанским войском захватить Крым и стать там новым ханом. Бахты-Гирей был уверен, что его ждут в Крыму, поскольку народ озлоблен туркам из-за нововведенного налога и массовых казней знатных мурз и простых людей. После всего этого новый хан собирался увести крымцев и кубанцев на Волгу под российскую протекцию [6, л. 244; 7, л. 196, 252].

Поэтому не помочь ему калмыки просто не могли и организовали целый ряд набегов на Кубань и Азов. В эти годы набеги калмыков совершались небольшими отрядами. Источники свидетельствуют, что в набегах на Кубань участвовали небольшие группы, возглавляемые Абулджиним и Даши Абусовым, Магада-Доржи из улуса нойона Лабан – Дондука (300 человек), Менкош из улуса нойона Гунги-Доржи (100 человек) и многие другие. Двое последних Магада-Доржи и Менкош напали на Перекоп, угнали около 30 тыс. голов овец, 1 тыс. лошадей, убив при этом одного пастуха, других 14 пастухов забрали с собой, еще 35 человек «ограбили и оставили нагих». Перекопский бек писал, что «из-за кубанской стороны, из-за Перекопа приезжают всегда калмыки своими набегами отгоняют стада наши безпрестанно». Крымский хан замечал, что «токмо оных калмыков наперед сего бывало малое число» [7, л. 13, 15–18, 59–61].

М.М. Голицын подтверждал обвинения, сообщая в Коллегию иностранных дел: «Ходят малыми и не знатными воровскими партиями человек по десяти или малым больше и воровски табуны отгоняют и по пригнанию в улусы хотя в том владельцы и довольно известны будут, воровство их отводя за подтвердительными вашего императорского величества указами от себя в том подозрение закрывают будто и не известны и отыскивать того требуемого от Порты невозможно» [7, л. 24].

Еще в начале 1726 г. Бахты-Гирей прислал посла к калмыцкому наместнику Церен-Дондуку с предложением идти на Кубань, пообещав за это отдать едисанцев и эмбулуков, ранее кочевавших в составе ханства. К нему на помощь были отправлены 2 тыс. калмыков, но поход на Кубань не состоялся [6, л. 107].

Поэтому калмыки продолжили контакты с Бахты-Гиреем, который летом 1726 г. подошел к урочищу Яшколь [6, л. 95]. Отсюда он вторично обратился к наместнику с письмом, в котором убеждал Церен-Дондука совершить поход на Кубань, вновь обещая вернуть улусы едисанцев и эмбулуков.

Союз Бахты-Гирей с калмыками не мог не тревожить кубанского султана. Весной этого года к Церен-Дондуку прибыло посольство Салат-Гирей, состоявшее из 30 человек. Оно подтвердило условия мирного договора между Калмыцким и Крымским ханством, выражая надежду на сохранение дружественных отношений. Доказательством дружбы Салат-Гирей считал возврат табунов, захваченных в январе и феврале 1726 г. При этом он официально сообщал наместнику о выступлении его против черкесов Арслан-бека. Однако кубанские послы категорически отказались возвращать едисанцев и эмбулуков [6, л. 170].

13 сентября в калмыцкие улусы к Церен-Дондуку вновь прибыли крымские послы Хорто-Хожу и Дагаду. Они потребовали от калмыков, «чтоб они на Кубань войною не ходили и обиды им кубанцам никакой не делали и взятое у них им возвратили». Они выражали «удивление», почему Церен-Дондук хочет дать войско «вору» Бахты-Гирею. Послы предупредили, что посылка войск с Бахты-Гиреем на Кубань приведет к войне с султаном Салат-Гиреем. Калмыцкий наместник ответил послам, что войны не будет, на Кубань калмыки не пойдут. Тут же его слова подтвердил и бывший при наместнике посланец астраханского губернатора саратовский дворянин А. Нечаев. При этом послы увидели, что в ставке наместника никто не скрывал планов предстоящего похода и намерения вернуть ушедших едисанцев и эмбулуков. Все простые люди в улусах готовились к походу, все разговоры были только об этом,

поэтому естественно, что заявления руководителей ханства никого не могли обмануть. В результате посол Хорто-Хото срочно отослал на Кубань четырех татар к хану с вестью о грядущем походе [6, л. 526; 7, л. 111–112].

С сентября 1726 г. калмыки начинают подготовку военного похода на Кубань и в Крым. Но дальнейшие приготовления к походу были приостановлены Церен-Дондуком, так как калмыцкие войска вынуждены были выступить против казахов, подошедших к Волге.

Российское правительство старалось не допустить поход на Кубань, поскольку это было бы нарушением мирного договора с Турцией. В отношении Бахты-Гирея у правительства также появились планы. По императорскому указу от 17 ноября «О призывании Бакта-Гирея и Джан-Темира Ширин-Бея» предполагалось принять его под «российскую протекцию с тем, что как скоро время будет, тогда б его, Бахтагирея, с калмыками послать на Кубань и на Крым, и, где потребно и они пожелают, российскими войсками им вспомогаемо будет», а пока правительство позволяло ему жить в калмыцких улусах, предполагалась даже выдача «жалования и всякого довольствия» [5, с. 66]. В случае отказа мятежного султана предполагалось «поймать силой» или уничтожить, подослав убийц. Узнав о прибытии Бахты-Гирея на Волгу, командующий войсками Царицынской линии фон Деропп послал отряды во главе с капитанами де Жанти и Елагиным «для добровольного призыву его, Бахты-Гирея, под протекцию императорского величества или поймать» [7, л. 25]. Но планам правительства не суждено было сбыться, так как султан отказался от встречи с русскими офицерами.

Как только владельцы вернулись из похода на казахов, подполковник В. Беклемишев послал к Церен-Дондуку, вдове Аюки ханше Дарма-Бале и главе буддийской церкви Шакур-ламе С. Казанцева с письмами, где им запрещалось идти на Кубань, Бахты-Гирею же указывалось «войск не давать и к себе его без указа не принимать». Кроме того, было приказано вернуть от Бахты-Гирея Дондук-Даши с войсками [7, л. 36 об.].

В конце 1726 г. в верховьях реки Кумы в ставке наместника собрались все владельцы калмыцких улусов, за исключением нойона Дорджи Назарова. На съезде Бахты-Гирей рьяно уговаривал всех их идти в поход на Кубань. Но на съезде не было единства, как свидетельствовали участники, «иные приговаривались идти, а другие отговаривались». Многие знатные зайсанги Церен-Дондука были против похода, другие владельцы колебались, активно препятствовал походу Шакур-лама. Активными сторонниками похода на съезде были нойоны Дондук-Омбо и Дондук-Даши. В итоге споры и разногласия среди владельцев привели к срыву похода, войска простояли всю зиму, и к весне следующего года владельцы стали разъезжаться по улусам [7, д. 33, л. 41об., 42].

Лишенный возможности начать поход на Кубань султан остался на реке Куме близ урочища Шара-Холусун. Не добившись своей цели, Бахты-Гирей, при котором было всего 40 человек, попросил обеспечить его безопасность. Поэтому по совместному решению при нем были оставлены 300 калмыков во главе с зайсангом Халухой, в том числе 150 человек от Дондук-Омбо [7, л. 43]. Интересно, что, ожидая негативную реакцию России, никто из владельцев не решился пригласить его в свои улусы.

Целый ряд калмыцких набегов 1726 г., слухи о новом походе на Кубань, концентрация калмыцких войск Церен-Дондука на границе не могли не вызвать чувство тревоги у Турции. Когда калмыки пленили Осман Мирзу-агу, ехавшего из Стамбула в Азов к паше с султанским указом, российский резидент И.И. Неплюев феврале 1727 г. вынужден был выслушать «крепкие турецкие выговоры о калмыцких делах» на встрече с представителем султана Реиз-Эфенди. Особый гнев вызвали новости о союзе калмыков с Бахты-Гиреем [7, л. 192, 301–302].

На все жалобы российское правительство отвечало, что подобные же «обиды» чинились и российским подданным, обещало принять меры, но, как комментировали турецкие послы, «все без толку».

Россия, не имея реальных сил и рычагов для ограничения внешнеполитических действий калмыков, ограничилась письменными запретами. Императорская грамота калмыцкому наместнику Церен-Дондуку (15 февраля 1727 г.) повелевала «от принятого намерения к походу на Кубань весьма удержаться и протчим подданным нашим

владельцам и калмыкам накрепко запретить, чтоб они ничего противно соизволению нашему не чинили и на Кубань собою ради отбирания этсан и энбулук отнюдь не ходили и никаких обид кубанцам и крымцам и другим подданным турским не чинили и к Бахты-Гирею дели солтану не приставали и в намерениях его не вспомогали. Тако ж бы и пересылок и согласия с ним не имели и тем до повреждения миру у нас с Портою не довели» [1, л. 17об.].

В этом году нойоны Бату и Бодонг с 4-тысячным отрядом совершили вместе с Бахты-Гиреем набег на Кубань, где захватили большое количество скота [2, л. 323; 3, л. 5].

Но в первых числах января 1728 г. наместник Церен-Дондук выступил в поход на Кубань во главе 25-тысячного войска. Весной он соединился с Бахты-Гиреем на границе Кубани и выделил ему 3 тыс. калмыков. Хотя вернуть ногайцев не удалось, но одна из главных задач была решена – Бахты-Гирей был восстановлен сераскером [4, л. 182об., 187об.]. Крымский хан Менгли-Гирей сначала примирился с Бахты-Гиреем, но после ухода калмыцкого войска сразу же сверг его с престола. Вскоре во время набега на Кабарду он был убит черкесами. В Калмыкии это известие вызвало настоящий траур. Дондук-Омбо, узнав об участии Бахты-Гирея, как писали очевидцы, «был зело печален» [7, л. 335, 348; 8, с. 47]. После гибели Бахты-Гирея калмыки прекратили активные политические сношения с Кубанью.

Таким образом, мы можем видеть, что в данный период и калмыки, и крымцы активно вмешивались в кубанские дела. Особую активность здесь проявили калмыки, попытавшиеся передать власть Бахты-Гирею. Внешнеполитическая активность калмыков, не отвечавшая на данный момент геополитическим устремлениям Российской империи, создавала ей лишь помехи, неоднократно ставя перед фактом дипломатического скандала. Самостоятельная дипломатия калмыков становилась несовместимой с внешнеполитическим рационализмом России, нуждавшейся в послепетровское время в передышке.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). – Ф. 119. – Оп. 1. – 1727. – Д. 1.
2. АВП РИ. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1727. – Д. 5.
3. АВП РИ. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1727. – Д. 9.
4. АВП РИ. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1728. – Д. 4.
5. Бакунин В. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев / В. Бакунин. – Элиста, 1995.
6. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). – Ф. 36. – Д. 22.
7. НА РК. – Ф. 36 – Д. 33.
8. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии / В. Д. Смирнов. – Санкт-Петербург, 1889.

References

1. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVP RI). F. 119, op. 1, 1727, d. 1.
2. AVP RI. F. 119, op. 1, 1727, d. 5.
3. AVP RI. F. 119, op. 1, 1727, d. 9.
4. AVP RI. F. 119, op. 1, 1728, d. 4.
5. Bakunin V. *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutsckogo, i postupkov ikh khanov i vladeltsev* [Description of the Kalmyk people, and especially the one torgoutsckogo, and actions of their khans and owners], Elista, 1995.
6. National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). F. 36, d. 22.
7. NA RK. F. 36, d. 33.
8. Smirnov V. D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoy Porty v XVIII stoletii* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte in the XVIII century], Saint-Petersburg, 1889.